

Наталья Харина

Поезд is gone

рассказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Владимировна Харина

Поезд is gone

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32492809

SelfPub; 2018

Аннотация

О разнице женщин и мужчин. О женской силе и женской слабости. О человеческой красоте и человеческом несовершенстве. Женщинам-руководителям, женщинам-менеджерам из прошлого и будущего, одиноким женщинам, самостоятельным женщинам, ищущим любви или отвергающим её, матерям и дочерям, посвящен этот небольшой рассказ. Содержит нецензурную брань.

Поезд is gone.

Недавно мы с мужем купили country house. Знакомые говорили, что это так несовременно, мужа на работе даже подвергли острокизму и приклеили презрительную кличку «хозяин».

Сейчас, когда во время in vacation принято не привязываться к одному месту и каждый раз менять отель и region, иметь в собственности land, а уж тем более работать на ней, считается просто дурным тоном. Но мы, преодолев все негативизмы, всё-таки решились.

Мне стыдно признаться, но я почему-то счастлива.

На участке есть дом, сарай, doushe, bathhouse, всё засажено деревьями, кустами, даже есть небольшой кусочек дикого леса с соснами, которым не менее, думаю, 50 лет.

Country house, или по-старому «дача», досталась нам очень недорого, о чем я даже никому не сказала на работе, – меня бы вообще никто не понял, а я не хочу чтобы resources manager отминусовала мой корпоративный cost и услышать за спиной «дешевка» я, разумеется, не намерена.

Но меня каждый раз охватывает странная радость, когда я утром выхожу, – прямо на улицу, к солнцу и деревьям!

Всю траву мы скосили, весь trash, оставшийся от прежних оссират, – выбросили и сожгли. Днем мы сидим в беседке на поляне, а вечером, когда прохладно, сами затапливаем соосег такими «дровами» – их много здесь осталось. Это так не похоже на city и мне это почему-то очень нравится.

У нас еще оставался loft, до уборки которого мы добрались лишь в позапрошлый weekend. И там я обнаружила немного странный digital media с выцветшей наклейкой из бумаги. Муж сказал, что это, наверное, CD-ROM, – это такой круглый диск, на котором раньше записывали небольшие кейсы. Надпись на наклейке гласила: «Бехтеева Мария Рудольфовна. Рассказы».

Не буду говорить вам, каких усилий мне стоило, чтобы отыскать device, на котором я смогла, наконец, открыть этот CD-ROM. Думаю, если бы такое я сделала для my superior, мне бы автоматически предложили cash award. Но я очень эффективна и добилась поставленной цели. Там был всего один кейс Бехтеевой, но мне он показался столь любопытным, что я решила поделиться им с вами, мои любименькие подписчицы. Никаких изменений в тексте я делать не стала.

Я не боюсь feedback и даже possible презрения, потому что я же могла это всё просто выдумать и данный posting про «дача», разумеется, face fake, принципы корпоративной ethics мною нигде не нарушены. Все, кому понравилось, ставьте lake.

С вами validatorXXL

Ночной поезд.

Рассказ.

Знаете, вот сейчас мне уже хорошо. Я успокоилась и почти всё забыла: эти постоянные стрессы, иногда ужасных пассажиров, истеричных начальников. Да, я, пенсионерка,

сейчас безвылазно сижу на даче, муж мой, слава Богу, еще крепок и мы получаем небольшую прибавку к пенсии, зимой сторожа пустующие участки. Конечно, нам повезло, что Васе удалось устроиться на такую работу. Вообще повезло, что он у меня есть. Мы ведь и поженились-то уже в зрелом возрасте, когда и мои и его дети выросли, да ещё и обижались на нас, ревновали. Его дочь до сих пор меня ревнует и отказывается приезжать к отцу на дачу. Говорит, у неё своих дел полно. Ну и ладно, мы привыкли и свои жизни детям строить не мешаем. А я уже совсем, наверное, не смогу без тишины и спокойствия загородного житья. В прошлом году мы, наконец-то, достроили баню и теперь нам совсем хорошо.

Поначалу мне, конечно, было очень трудно на одном месте. Всё-таки на пенсию я вышла уже в должности начальницы поезда. Много, конечно, на работе было всего и интересного, со временем некоторые ситуации теперь кажутся даже забавными...

Кое-что вспоминаю до сих пор и даже начала немножко записывать – что придет в голову. Вася говорит, что иногда получается неплохо и почти совсем не похоже на «мемуары». Но я настаиваю, что это именно рассказы, впрочем, всё равно это так, простое баловство, безобидная графомания, скрашивающая, порой, длинные зимние вечера, когда надо едает телевизор.

Или вдруг какая-нибудь авария или катастрофа произойдет, тогда я забираюсь на второй этаж, в свой личный «ка-

бинет», сажусь и пишу. Обычно ко мне сразу приходит наша любимица Мурзилка, садится на стол и внимательно на меня смотрит, иногда трогая разноцветной лапой буквы на мониторе, как будто что-то понимает. А мне даже нравится, — я с ней иногда даже советуюсь: произнесу фразу и смотрю на реакцию. Иногда Мурзилка помогает мне что-то уточнить или переписать.

Вот и сегодня в новостях промелькнуло про скандал в самолёте, я оставила мужа досматривать, а сама вот села и записываю...

Перевели меня как-то на направление «Москва-Петербург», на две недели. Обычно я ходила на южном маршруте, а тут вдруг — столичка. Ну, думаю, ладно, хорошо, посмотрю и на этот народ. Люди — везде люди, и хотя бригада не очень мне была знакома, но начальника охраны я немного знала — мы с ним на курсах по безопасности вместе были когда-то: хороший мужик, надёжный, спокойный и ответственный. Мы за две недели с ним очень сдружились, он до сих пор иногда к нам с семьёй на дачу приезжает. Мой муж — его старый друг. В общем-то, он нас потом с Васей и познакомил, но история не об этом.

Было два случая на том направлении, произошедшие с разницей в три дня, как раз в мои последние смены, которые, если бы среди пассажиров были какие-нибудь журналисты, обязательно попали в прессу и тогда даже страшно представить, что они там написали бы о нашей бригаде.

Первый случай. В вагоне-ресторане напилась какая-то девица. Прибегает ко мне от Степаныча(тот самый начохраны), прямо с выпученными глазами, молоденький проводник.

– Мария Рудольфовна, чепэ! Там баба голая валяется, Степаныч говорит, вас надо. Срочно.

Пока шли по вагонам, я его расспросила. Оказалось, перед вагоном-рестораном в тамбуре кто-то из проводников чуть не споткнулся о пассажирку. Живая? Да, спит. Что сделали? По инструкции вызвали Степаныча с бригадой, они там на месте. Кто в ресторане? Одна компания. Пьяные? Да нет, вроде не совсем бухие, так, вменяемые. Что буфетчик? Говорит, что бухала тут одна какая-то, потом пыталась к людям приставать, её отшили, потом ушла. Решили, что проститутка.

В общем, прекрасно, спать сегодня, судя по всему, не придется. Завтрашний выходной– тоже под вопросом, придется писать отчет.

Пока дошли, от расспросов проводничок мой немножко в себя, вроде, вернулся. Перед нужным тамбуром меня вперед пропустил, сам как-то лицо отворачивает, краснеет, что-ли? Видно, еще не очень опытный. Ладно, разберемся...

Картина, которая предстала перед моими глазами, как говорится, была маслом: голой задницей кверху, уткнувшись лбом в угол тамбура, спит совершенно пьяная девица. Похрапывает, слава Богу. Значит, живая. Уже хорошо. Вокруг стоит бригада Степаныча, мужики смущены, прячут друг от

друга глаза. Увидели меня, обрадовались, один начал нервно смеяться.

Понимаю. Сцена – неприлична до омерзительности. И куда её теперь такую? Раньше хоть вытрезвители были, а теперь в середине дороги никуда не ссадишь... Уснула в позе, которая как будто говорит: «нате, пользуйтесь!». Сумка рядом – модная, дорогая, но сразу видно – «девушка» специальная...

Пришлось мне, в общем, самой на неё трусы надевать – они рядом вместе с брюками валялись (брюки тоже очень дорогие, кстати, у меня таких в жизни не было, а теперь уже точно не купить, никогда). Туфли на каблучищах тоже рядом, – ну куда такие в дорогу, но, видимо, тоже – «форма». Документы оказались в сумке, билет – там же. Содержимое сумки, вообще, тоже какое-то всё... проституцкое, честное слово, даже описывать не буду, – до сих вспоминать противно, как мы это всё протоколировали.

Вообще стыдобища такая, мужики деликатно отворачиваются, а мне так как-то прямо обидно за всех приличных, что-ли, молодых девчонок стало, да и за женщин вообще.

Ну составили мы протокол, опись. Попросили мужиков из компании в ресторане свидетелями быть. Мало ли что там у неё, пока она валялась, пропало. Нормальные люди оказались – согласились, подписали. Охранники отнесли эту пассажирку в свободное купе. К утру, когда прибыли, она проспалась, накрасилась и, как ни в чем ни бывало, помахивая сумочкой своей, по перрону так мимо моего купе про-

дефилировала. Я еще тогда, помню, подумала: «какая у неё мать?».

Потом, конечно, на собрании все смеялись, но ведь она и замерзнуть могла(дело было осенью и ночи уже холодные) или предьявить потом, что её или обворовали, или еще чего сделали— мало ли, всякое ведь бывает. Так что хорошо, что всё обошлось.

А протокол этот потом, кстати, наверняка ускорил распоряжение об ограничении продажи алкоголя в поездах. Вот так. Так что «девица» эта, которая, по словам той ресторанной компании, к ним безрезультатно приставала, а потом обиделась и ушла, тоже послужила на пользу общему делу :теперь в вагонах-ресторанах поездов ничего крепче пива не продают. И это— правильно. Чем трезвее пассажиры, тем на рельсах безопаснее, да и нам, проводникам и охране поездов, работать поспокойнее.

Случай второй. Произошел в следующую мою смену, оказавшуюся, к моему облегчению, на этом направлении последней.

В поезде вроде всё успокоилось. Обычно самые критичные первые два-три часа. Потом все, обычно, засыпают, если повезет и нет буйных. Иногда мне удаётся тоже вздремнуть пару ночных часов, я так и собралась сделать, — назавтра утром мне уже надо было состав принимать, меня снова на южное направление вернули. Не успела закрыть дверь в купе, как стучится кто-то. Открываю. Стоит перепуганный

мужчина, возмущенный такой. Одет прилично, бизнесмен, но какой-то весь ...ловкий, что-ли,— такими раньше снабженцы бывали. В общем, проныра. Но молодой, лет 40, не больше. И, похоже, алкоголем потягивает, или показалось?

— Здравствуйте, у меня телефоны украли. Я в купе с какой-то теткой, я прикорнул, проснулся, хватился— а телефона нет. Он у меня очень дорогой! И что теперь делать-то?

Вызываю Степаныча. Они заходят с бригадой с двух сторон(по инструкции). Из противоположного тамбура выходит такая дамочка. Миниатюрная, бледненькая, лет 40 тоже или около того, в очках. Увидела меня с потерпевшим, зашла в купе. Туда же с двух сторон зашли Степаныч с двумя из охраны и пассажир этот. Назовём его Петров, хотя фамилия другая была.

Ну и, в общем, понеслось...

Выяснилось, что пассажирка, сразу предъявившая документы, билеты и свой багаж для досмотра, давно не ездила в поездах и не знала, что есть такое «женское купе» и что при покупке билета надо указывать несогласие на перемещение с лицом другого пола. Не сообразила она(по её словам) и что можно поменяться на свободное место уже во время передвижения. Петров же, действительно(по его словам), снабженец, ещё у кассирши на вокзале выяснил, что в купе поедет с одинокой женщиной, «которая не возражает». После удачного какого-то тендера в Москве он «немножко» перед поездом выпил(охрана нашла пустую бутылку из-под виски

в углу), сгонял в ресторан и решил угостить даму мартини. Початая бутылка стояла на столике в купе.

При появлении охраны дамочка не растерялась и даже обрадовалась. На вопрос : -«Почему сразу не поменялись?», – ответила, что она антикризисный управляющий и самоуверенно решила, что «такие ей не опасны».

Во время выяснения ситуации один из нашей охраны стоял в дверях купе, облокотившись на верхнюю полку. Тюк с бельем сполз и телефоны нашлись, спрятанные наверху под подушкой.

Петров после этого сказал так:

–Ребят, ну ладно, извините, это моя тёлка, давайте, всё, мы сами тут разберемся.

Дамочка, сидя напротив Петрова, рядом со Степанычем, храбро парировала:

– Тёлками ты будешь называть своих подружек, понял, ты, – козёл!

Пассажир Петров после этих слов стал шарить по карманам и, уже обращаясь к нашим из охраны, сообщил, что у него пропал бумажник . Глядя на Степаныча, он сказал так:

–Слушай , мужик, это же ты меня вел сейчас по коридору, отдай бумажник, прошу тебя, пожалуйста!

Представляю, как парни себя почувствовали в тот момент. ..

Степаныч, оставив двоих с Петровым в купе, увел пассажирку в тамбур, расспросить , не беспокоя других любопыт-

ных. Как раз была остановка и в соседнее со скандальным купе с двумя друзьями, (похоже, тоже припрятавшими кое-что под столик), прибыла еще одна женщина. Верхняя полка, внизу два мужика, мест в «женском купе» не было, а ехать – надо. В общем– еще одна потенциальная ситуация.

Пока Степаныч с дамочкой в тамбуре разговаривал, я новенькую сама разместила и попутчиков попросила её не обижать. Ну а те что:– Конечно-конечно, – говорят, – мы всё понимаем! – А один всё на охрану возле соседнего купе с интересом так поглядывает.

В общем, Степаныч решил, что, похоже, Петров сам к дамочке полез, а та его как-то так осадила, что он взбеленился, оделся быстро и, пока та в тамбуре отстаивалась, телефоны свои спрятал и ко мне заявлять пришел. Про бумажник Степаныч мне тоже рассказал – его охранники тоже быстро у Петрова же под подушкой нашли. То есть он серьезно приготовился-то: если, значит, с телефонами не пройдет, дальше – пропал бумажник. ..И ведь действовал-то мгновенно, даром что пьяный ! Его потом так развезло.. ну об этом дальше.

Составили мы протокол, по инструкции, нашли свидетеля – та женщина, что на остановке в соседнее купе вошла, сама вызвалась и подпись поставила, явно из женской солидарности. Дамочку перевели в соседнее купе, на радость как мне, так и её соседке, по всему было видно. С Петровым в купе остались двое из нашей охраны, решили сдать его в полицию в Бологое – через час, по расписанию.

И вот здесь я (конечно, уже сейчас-то могу написать) очень опасно рискнула ... До сих пор радуюсь, что никто из наших меня не «сдал», да и сами дебоширы тоже, а ведь я легко могла лишиться не только должности и вообще работы, но и похуже что-то могло бы произойти, да, видно, Бог отвел...

В общем, в Бологое пришел наряд. Петров сидел такой весь раскаявшийся, жалкий. Сказал, что неженат, всё время в командировках, детей нет, а тут встретил такую прекрасную, ну и захотел просто «ножки поцеловать». А она так на его искренний порыв, неожиданно и грубо:

– Блять! Чего вы все ко мне лезете-то, а? Вам что, жен своих не хватает? Зае...ли!– что-то из сумки схватила и прямо вылетела из купе!

– Я,– говорит, чуть не слёзы вытирая, – мужики, просто обоср..я! Меня прямо к стенке прибило, я еле опомнился! Сижу, сжавшись, в углу на своей полке в трусах и шепчу только : «хозяйка, хозяйка, прости меня», представляете? Почему в трусах– как раздевался, даже не помню... Ну я и подумал, что так же не бывает– с виду такая тростиночка, цветочек, пить отказалась, и вдруг– монстр какой-то, оборотень! Ну я и решил, значит, предупредить – об опасности. Оделся, телефоны припрятал и к проводнику пошел.

По словам Степаныча, пожалели даже Петрова охранники наши. Из мужской солидарности мартини оставшийся вместе допили, вчетвером. Петров вроде успокоился, да и, как

еще в тамбуре выяснилось, «потерпевшая» не рвалась к полицейским в Бологое свидетелем приезжать.

Степанычу в тамбуре она сразу, еще до того, как подробно рассказала, что Петров к ней неожиданно полез, сообщила(вспоминаю почти дословно) следующее: – «Я, в принципе, не кровожадна. Всё понимаю, поэтому, что вы там с ним решите делать– мне всё равно. Я почти сутки не спала и хочу выспаться. Моё мнение о ситуации такое: ну напился, ну–мудила. Да, неприятно, когда нормальный с виду человек на твоих глазах вдруг превращается в свинью. Но я же не видела, что он целую бутылку, пока я выходила, успел выжрать! Это только когда вы пришли, уже пустую нашли и показали! Я иметь неприятности из-за этого уroda не желаю.»

Когда наряд полиции в Бологое пришел, поговорили они все по– мужски и как-то так...ну, в общем, протокол порвали, поезд дальше поехал.

Степаныч сидел у меня, а двое его сотрудников в купе с Петровым еще оставались. Всё вроде успокоилось и вдруг – стук какой-то, по коридору шарахнулось и снова передо мной– Петров, а за ним– двое смущенных наших охранников, один где-то вдали злой, с полу поднимается.

– У меня ключи от машины пропали!!Ключи-то хоть отдайте!– орет мне Петров.

Как говорится,еще раз здрасьте, опять приехали! Да что же это за ночь-то такая? И что мне с ним теперь делать? Да и ребята уже все – замазаны...Вот как же я допустила-то, а??

До сих пор себе простить этого не могу.

Ну потом всё как в калейдоскопе: Степаныч вышел и руки Петрову заломил; тот вырвался; подбежавшие охранники крикнули, что он стоп-кран пытался сорвать, когда они вместе покурить выходили. Петров, намертво схватившись за поручень перед окном, орёт: -Помогите, убивают, террористы, вот он, вот он– чеченец! – А у нашего Славика, к слову, и вправду, внешность слегка восточная, его между собой ребята так и зовут : «Нос», – Позовите начальника поезда! Вызывайте ФСБ!!

Кошмар, в общем, скандал, пришлось мне сообщить что я начальник поезда и есть и сидеть с ним потом в купе почти до утра, разговаривать ... Степаныч стоял у открытой двери, дважды приносил нам чай. Несколько раз Петров куда-то звонил по своим дорожным телефонам, говорил с «ФСБ», один раз вышвырнул телефон в коридор, потом пытался за ним выбежать. Славик нашел этот телефон, передал через Степаныча, обтерев его, кстати, предварительно– на всякий случай... Ах да, «пропавшие» ключи от машины тоже, разумеется, потом под столиком в купе нашлись. ..

Уже под утро увели от меня снова притихшего Петрова в его купе. За час до Ленинградского мы всё-таки предупредили уже нашу вокзальную бригаду полицейских, чтобы встречали, а я решила всё-таки сама поговорить с этой «дамочкой». Ну мало ли что там потом всплывёт, да и неизвестно– что за человек, а старый протокол-то ведь в Бологое ребята

уже порвали...

В общем, разбудила я её. Такая тихая приятная женщина. Худенькая, миловидная, румяная со сна, без следов какой-либо косметики, в контактных линзах. И как-то она мне сразу понравилась.

Поговорили мы с ней. Она сразу поняла, что Петрова в Бологое не ссадили, но так аккуратно меня успокоила: мол, ей тоже неприятностей не надо. Но если что, – в городе придет куда надо, если надо, всё еще раз расскажет. Если мне это нужно... На мой вопрос: – «Почему сразу купе не попросили поменять?», – ответила, что человек с виду приличным, вроде, оказался. Как в купе зашел, всё по телефону с женой и дочкой разговаривал: дочка в музыкальной школе, жена дома суп к приезду мужа варит, с нетерпением ждет любимого... Видимо, когда она из купе из деликатности, чтобы разговору не мешать, выходила, Петров свою бутылку-то и прикончил...

Пока мы разговаривали, прибыли на конечную. Мимо моего купе дежурные по вокзалу провели Петрова. Увидев нас вместе, он еще так ухмыльнулся и подмигнул нам обим. ..Ну и актёр!!

А потом я еще её у метро встретила. Вместе около получаса ждали, пока откроется. Тут я ей и рассказала, что Петров уже на вокзале всё-таки от дежурных как-то вывернулся и сбежал... И еще рассказала, что никому он не звонил, вернее, ни с кем по телефону не разговаривал с момента посад-

ки в поезд – Славик, когда телефон его подбирал в коридоре, звонки-то все проверил... Еще почему-то рассказала про девицу в предыдущую смену. Помню, мы еще тогда одновременно сожалели, что «вот бы им вместе попасть», от этого рассмеялись.. Правда, не очень весело, мне через несколько часов надо было состав принимать, а Светлане Петровне(так её звали)– сразу в офис с каким-то важным отчетом. Но ей-то хоть немного удалось ночью поспать...

Потом я больше на «столичке» не работала, а на моём обычном направлении – Москва-Севастополь никогда ничего подобного со мной не случилось. Там народ совсем другой. Конечно, люди, они везде люди – и скандальные мне довольно часто попадались; и смерти в дороге несколько раз случались, естественные; от поезда, бывало,отставали; детей теряли,– всякое довелось по работе пережить. Но таких неадекватных, другого слова не подберу, ситуаций, как в этом рассказе, у меня больше в жизни не было. И слава Богу! В провинции вообще люди как-то здоровее, что-ли. Так что ну её, эту столичку. Не всякому человеку столичная жизнь и подходит. Кого-то она делает просто ненормальным, жизнь может искалечить.

Сейчас, когда я уже на пенсии, на даче, так мне и вспоминать даже такое– спокойно. Быть на природе, почти без людей, я уже привыкла. Сейчас вот выключу компьютер и пойду вниз, на кухню. Ужинать пора. Сегодня на ужин я сделаю котлеты с пюре. Рыбные котлеты, Вася их очень любит.

Всё, Мурзилка, на сегодня рассказ закончили, брысь со стола, идем вниз, нет, вниз, всё, слезай, кс-кс, идём!

Бехтеева М.Р.

Дачный поселок «Генератор», Март 2018г.